

ОФИЦЕР РУССКОЙ АРМИИ А.П. ЩЕРБАЧЕВ О КОЙСУБУЛИНСКОМ СОЮЗЕ

Б.Г. Алиев,

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, Махачкала

bagomed.aliev@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена историографическому анализу сведений о Койсубулинском союзе, имеющихся в небольшом «Описании Мехтулинского ханства, койсубулинских владений и ханства Аварского» штабс-капитана русской армии А.П. Щербачева, который участвовал в военных действиях на Северном Кавказе. Койсубулинскому союзу посвящены всего две страницы «Описания». Но на этих страницах А.П. Щербачев останавливается более чем на десяти вопросах, которые содержат много различных сюжетов социально-экономического и политического положения Койсубулинского союза конца 20 – начала 30-х гг. XIX в.

Наибольший интерес представляют вопросы, посвященные народонаселению, правлению, занятиям койсубулинцев. Хотя порою сведения, приводимые в описании Койсубулы А.П. Щербачева и противоречивы, но они интересны и в сопоставлении со сведениями о койсубулинцах других авторов дают возможность представить более или менее правильную картину их положения в конце 20 – начале 30-х гг. XIX в. Это сведения о составе и численности населения Койсубулы, ее воинских силах, развитости той или иной отрасли сельского хозяйства и т.д. Нельзя не отметить, что многое, о чем писал А.П. Щербачев, находит подтверждение как у авторов, писавших до него, так и у авторов, которые описывали Койсубулу после него. Это касается формы управления койсубулинцев, развитости у них виноградарства и виноделия, продажи продукции армянам, приезжавшим в койсубулинские села, хорошего состояния садоводства и земледелия, выращивания различных фруктов и различных злаковых культур, а также состояния скотоводства.

Нельзя не отметить вопрос о взаимоотношениях койсубулинцев с другими народами Дагестана. Верно А.П. Щербачев писал, что койсубулинцы, нуждаясь в хлебе и соли, выменивали на них свои фрукты в Мехтулинском ханстве и в соседних обществах других народов Дагестана. Затрагивает он и вопрос о набегах койсубулинцев на Грузию.

В целом сведения А.П. Щербачева о Койсубуле представляют интерес для дагестанских ученых, занимающихся прошлым Дагестана.

Ключевые слова: А.П. Щербачев, Койсубула, население, правление, земледелие, садоводство, виноградарство, скотоводство, взаимоотношения, пути сообщения.

RUSSIAN ARMY OFFICER A.P.SHCHERBACHEV ABOUT THE KOISUBULINSKY UNION

B.G. Aliev,

Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography,
Dagestan Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Makhachkala

bagomed.aliev@inbox.ru

Abstract. The article deals with historiographic analysis of the data on the Koisubulinsky Union, which the staff captain of the Russian army A.P. Shcherbachev, who participated in military operations in the North Caucasus, presented in his work “The Description of the Mekhtulinsky Khanate, Koisubulinsky Possessions and the Avar Khanate”. Only two pages of “The Description” are devoted to the Koisubulinsky Union. Nevertheless, A.P.Shcherbachev considers more than ten problems, which contain

many different facts of the socio-economic and political situation of the Koisubulinsky Union in late 1820s - early 1830s.

The problems concerning the population, government, and occupations of Koisubula population are of the greatest interest. Although sometimes the facts given in the description of Koisubula are contradictory, they are interesting and their comparison with the information about Koisubula population presented by other authors can provide a more or less correct picture of the situation in late 1820s - early 1830s. This is information about the composition and size of the population of Koisubula, its military forces, the development of one or another branch of agriculture, etc. It should be noted that most facts of A.P. Shcherbachev's descriptions find confirmation in the works of the authors who wrote before him and those who described Koisubula later. This concerns the form of management of Koisubula population, the development of winegrowing and winemaking, the sale of products to Armenians who came to Koisubula villages, a good state of gardening and agriculture, cultivation of various fruit and grain crops, and the state of cattle breeding.

It is impossible not to mention the issue of the relationship of Koisubula residents with other peoples of Dagestan. A.P. Shcherbachev notes that Koisubula residents, when they needed bread and salt, bartered these products for their fruit in the Mekhtulin Khanate and in neighboring societies of other peoples of Dagestan and also considers the problem of raids of Koisubula residents on Georgia.

On the whole, A.P. Shcherbachev's data on Koisubula are of interest to Dagestan scientists who are engaged in history of Dagestan.

Keywords: A.P. Shcherbachev, Koisubula, population, government, agriculture, gardening, winegrowing, cattle breeding, mutual relations, ways of communication.

Александр Петрович Щербачев (род. в 1804 г.) с 1823 г. был офицером Генерального штаба на Кавказе и участвовал в военных действиях на Северном Кавказе. В 1826 г. состоял при начальнике 22-й пехотной дивизии и командующем войсками Кавказской линии генерал-лейтенанте кн. П.Д. Горчакове. Рано (в 1830 г.) вышел в отставку в чине штабс-капитана. Будучи в Дагестане, написал работу под названием «Описание горских народов, живущих за Кубанью», рукопись которой хранится в РГВИА (Ф. ВУА. Д. 624. Лл. 100–108). Описание А.П. Щербачева было использовано другим офицером русской армии И.Ф. Бларамбергом в рукописи под названием «Описание земель Мехтулинского ханства, общества койсубулинцев и ханства Аварского, общества салатавцев, гумбетовцев, Ансалты, Ботлых, Калалал, андийцев. 1831 г.», которая хранится в РГВИА (Кол. 414. Д. 301. Лл. 228–241). И.Ф. Бларамберг в 1830–1832 гг. так же, как и А.П. Щербачев, служил в Генеральном штабе на Кавказе и участвовал в военных действиях на Северо-Восточном Кавказе и в Дагестане и, как полагали М.О. Косвен и Х.М. Хашаев, «в своей описи обозначил авторство и дату рукописи следующим образом: «Соч. шт.-кап. Чурбачева и пор. Бларамберга. 1830 и 1831 г.». И далее: «Видимо, Бларамберг превратил Щербачева в «Чурбачева», авторство же остальной части рукописи приписал себе, хотя и та часть составляет преимущественно воспроизведение другой работы. Описание Щербачева вошло в вышеназванную рукопись почти целиком и в основном дословно» [24, с. 299].

Новый текст работы А.П. Щербачева находится в РГВИА (Ф. 250. Ключи фон Кругенау. Д. 140. Лл. 1–5, копия). Опубликован в сборнике архивных материалов «История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв.», изданном в 1958 г. под редакцией М.О. Косвена и Х.-М.О. Хашаева [11, с. 293–299]. Он содержит, как отмечают редакторы, «помимо незначительных разночтений и небольших сокращений, некоторые изменения и добавления, автором которых является, возможно, Бларамберг» [24, с. 299]. В этом тексте А.П. Щербачева рассматриваются Мехтулинское ханство, койсубулинцы и Аварское ханство. Для анализа нами выбраны койсубулинцы.

В работе А.П. Щербачева койсубулинцам посвящен раздел под названием **«Владение койсубулинцев»**, в другом списке работы вместо «владение» написано общество. А.П. Щербачев поднимает в своей работе 10 вопросов о койсубулинцах и в конце дает сюжет, названный им **«Замечание»**.

Свое описание койсубулинцев А.П. Щербачев начинает с вопроса об их положении: среди каких владений, обществ и народов они находились. Вопрос озаглавлен **«Границы»**, в котором он писал: «К северу Мехтулинское ханство и Акуша, к западу – Акуша, снеговой хребет гор и Авария, к югу ханство Аварское и владение (в другом списке вместо «владение» – общество. – Примеч. ред.) гумбетовцев, к востоку – гумбетовцы, Аймакинское ущелье и владения шамхала»

[24, с. 295]. Как видим, койсубулинцы с трех сторон были окружены другими аварцами, и только с севера и запада они граничили с даргинцами федерации Акуша-Дарго. Занимали они территорию, расположенную в Среднем или Центральном Дагестане, с такими же природно-географическими условиями, как и территория других горных обществ Аварии.

После описания местоположения Койсубулы, А.П. Щербачев описывает реки, которые протекали по ее территории. Это прежде всего «Койсу (отсюда и название союза Койсубулу. – Авт.), или Сулак», река, которая шла «тремя потоками: первый из ханства Казыкумыкского, протекает близ д. Хергевиль» (Гергевиль. – Авт.), где в него впадает речка Аймаки. Затем в него впадает «второй исток Койсу», берущий «начало в снеговом хребте гор». И далее «в 6 верстах от Гергевилья к Койсу присоединяется ... третий рукав, вытекающий из снеговых же гор в границах Аварии». Протекая по территории общества и входя одним рукавом в ущелье, Койсу течет через земли соседнего Гумбетовского общества, затем по территории салатавцев и кумыков и земли шамхала Тарковского и впадает в море, «приняв на пути многие другие речки» [24, с. 295].

Неспроста А.П. Щербачев в своей работе уделил такое внимание описанию р. Койсу и ее притоков. В условиях гор, где было мало пахотуодобных земель и где по горным долинам протекали реки, были хорошие условия для садоводства, о чем будет сказано ниже при анализе сведений о занятии населения общества.

Важным вопросом политического положения любого общества является вопрос о его составе и численности населения, поскольку от этого зависит и возможность выставить воинские силы, возможность организовывать оборону, оказывать помощь другим обществам, устанавливать взаимоотношения с соседями, другими обществами и феодальными владениями и т.д. и т.п. Поэтому в своем описании койсубулинцев А.П. Щербачев уделил внимание указанному вопросу, озаглавив его так: **«Число народонаселения и племена, оно составляющие»**. Сведения о численности населения и о составе Койсубулинского союза, данные А.П. Щербачевым, противоречивы. Это, очевидно, можно объяснить тем, что он взял их из других работ, но, по его наблюдениям, они были завышены, почему, перечислив их сначала как официальные, он дает затем их такими, какими они были на самом деле по его мнению. Он, в частности, писал: «В сем владении считается 36 деревень; дворов в оных до 3000, душ около 8000. Но судя по пространству земли, ими занимаемому, то более 18 деревень и в них 1500 семейств считать нельзя» [24, с. 295].

Имеющиеся по данному вопросу другие сведения также противоречивы. Наиболее ранние сведения относятся к 30-м гг. XVIII в. По сведениям участника Каспийского похода Петра I, последующих военных действий в Дагестане и в других местах Северного Кавказа, который затем был комендантом крепости Святого Креста, Д.Ф. Еропкина, писавшего в 1732 г., в этом «владении» (так называл он Койсубулинский союз) центром была «деревня Унсюкул, в ней старшина Асун Халатов, да ево ж владения «7» деревень» [9, с. 123]. По данным акад. И.А. Гильденштедта, в 70-е гг. XVIII в. в составе Койсубулинского союза было 15 деревень [7, с. 122–123]. Примерно в тот же период, о котором писал А.П. Щербачев, т.е. в 30–40-е гг. XIX в., в Койсубулинском союзе было 19 сел, где проживало 23 тыс. человек [4, с. 283–284]. Интересно, что по данным, имеющимся в «Ведомости обществам горских народов Лезгинского племени в ведении начальника Джаро-Белоканского общества состоящих», в Койсубуле, было 35000 жителей, в то время как в Гумбете их было 15000, Салатавии – 10500, Андии – 15000 и т.д. [20, л. 3]. Но уже по данным 50-х гг. XIX в., в Койсубулинский союз входило 15 деревень [1, с. 477]. Весьма интересны сведения XIX в. о населении сел, входивших в состав Койсубулы, потому что среди них были села, насчитывающие от 500 до 1000 дымов. Приведем эти сведения, так как они интересны, если иметь в виду, что во многие горские села входило всего от нескольких десятков до нескольких сот хозяйств. Самым крупным был центр союза Унцукуль, где было соответственно 1000 и 700 дымов, в Ашильта было 300 и 150 дымов, Балахани – 550 и 150, Бетлеть (Бетль) – 85 и 130, Ах-Кунд (Акянд) – 165 и 100, Инквалита (Иколита) – 40 и 100, Муксук (Моксох) – 80 и 50, Буцра – 285 и 150, Оркачи (Уркечь) – 90 и 100, Мох (Могох) – 170 и 200, Харачи – ? и 100, Ихали – 270 и 300, Ходзо – ? и 50, Зириани – 47 и 40, Ирганай – ? и 200, Гица (Гояцо, Гетцо) – 45 и 27, Гимры – ? и 200, Ааракни (Аракани) – ? и 200, Кодух (Кудук) – ? и 150 дымов [4, с. 283–284]. Как видно из приведенного перечня, в состав Койсубулы входило 19 сел. Интересно, что, по данным за 1843 г., которые приведены в статье обер-квартирмейстера Н.А. Окольниковича, участника военных действий в Дагестане, в начале 50-х гг. XIX в. в Койсубулинский союз входило 20 деревень, и в них было около 4000 дворов, из которых в Унцукуле было 800 дворов, в Балахани, Аракани и Игали – по 500 дворов, Гимры – 200 дворов и т.д. [18, с. 51]. По данным другого русского офицера (А.-Д.Г. – ?), в Койсубулинском союзе в 50-е гг. XIX в. было 15000 жителей [1, с. 477].

Если сопоставить все приведенные данные, можно предположить, что в союз Койсубула входило до 20 сел, где проживало до 20 тыс. жителей. Это был один из крупных союзов Аварии, который играл немаловажную роль среди других союзов сельских общин.

В анализируемой части статьи А.П. Щербачева далее говорится о происхождении койсубулинцев и названии их союза. В частности, он писал: «Койсубулинцы происходят от лезгин, название же свое имеют от р. Койсу, по которой они поселены» [24, с. 295]. Конечно же, первое утверждение А.П. Щербачева неверное. Койсубулинцы, как и жители соседних обществ, расположенные в Центральном или Среднем Дагестане, являются аварцами и никак не могли происходить от лезгин. По данному вопросу, как и по происхождению других народов Дагестана, имеются различные мнения среди ученых, и здесь нет необходимости останавливаться на этом. Что касается второго утверждения А.П. Щербачева, то он действительно был прав. Об этом же писали и другие авторы. Койсубула – это название, которое было дано обществу (союзу) кумыками ввиду того, что большая часть селений его была расположена в глубоких ущельях, где протекают Аварское и Андийское Койсу. Кумыкское название союза, Койсу-Боюн [13, с. 8]. Самоназвание союза – Хиндатли, Хиндалал, т.е. находящиеся, живущие у реки.

Останавливаясь на вероисповедании койсубулинцев, А.П. Щербачев писал, что они «секты Шефия, исповедания магометанского» [24, с. 295].

Как известно, одним из важных вопросов социально-политической истории является правление: какова была структура, кто правил общинами и союзом в целом, как формировалась власть, какие должностные лица избирались или назначались и т.д. и т.п. Поэтому А.П. Щербачев не мог обойти данный вопрос и в своей статье выделял его под названием **«Правление»**, где он прежде всего писал о тех изменениях в правлении союзом, которые произошли после присоединения его к Российской империи. «Правительством нашим, – писал он, – владение сие верено генералу шамхалу Тарковскому» [24, с. 296]. Русские власти на Кавказе, надо полагать, при этом учитывали, что и до присоединения к России союз Койсубула находился под владением шамхала Тарковского. Более того, как показывают документы, Койсубула была зависима от шамхала [22, с. 28–29]. «Все пространство от Чирката до Унцукуля, – писал А. Берже, – некогда принадлежало Аварским ханам, но впоследствии оно поступило под власть Шамхала Тарковского» [4, с. 274; 21, с. 266]. В 1809 г. в письме к главнокомандующему на Кавказе ген. Тормасову правитель Аварского ханства Султан-Ахмед-хан сообщал, что койсубулинцы «подвластны владетелю Тарковскому, ген.-л. Шамхалу и находятся в его зависимости» и что «стада их постоянно зимуют в его владении, там же они промышляют и летом» [2, с. 608]. Именно эта вынужденность пастись в зимнее время свой скот на землях шамхала и привела к зависимости койсубулинцев от шамхала Тарковского. К тому же у них не было в достаточном количестве своих летних пастбищ, поэтому они арендовали у того же шамхала и горные пастбища Уркат, Акай-тау, Исмаил и Ахмитав. Шамхал отдавал эти горы в аренду койсубулинцам с условием, что они будут его ополченцами и подданными, будут служить ему, входить в состав его войска и платить подати. И, действительно, жители Ирганая, Аракани, Балахани, Гимры, Гергебиля, Унцукуля, Чирката, Карачи, Харахи в зависимости от того, что было на них наложено, платили шамхалу виноградом, вином, виноградным уксусом, овцами, ягнятами, кукурузой, пшеницей, топленным маслом, конскими бобами, фасолью и серой [22, с. 21].

Но времена изменились. В условиях всеобщего недовольства в Дагестане колониальной политикой российского правительства, наиболее верным сторонником и союзником которого был шамхал Тарковский, зависимые от него горные общества не всегда и не во всех вопросах слушались его. И это подчеркивается А.П. Щербачевым, который писал, что койсубулинцы «вовсе ему не повинуются, и он никакой власти над ними не имеет» [24, с. 296]. И все же зависимость койсубулинцев сохранилась и в дальнейшем. На основе сведений, собранных за 1843 г., Н.А. Окольный писал: «Шамхал Тарковский имеет некоторое влияние на общество (Койсубула. – Авт.)». И здесь же он говорил о причинах, что «это единственно потому, что Койсубулинцы зимою пригоняют свои стада на его земли и, следовательно, волею или неволею должны от него зависеть» [17, с. 151]. Эта экономическая зависимость являлась причиной влияния шамхала на койсубулинцев.

Завершив описание взаимоотношений с шамхалом, А.П. Щербачев, как бы желая показать независимость койсубулинцев от шамхала, отмечал, что в союзе Койсубула «каждая деревня управляема старшиной, собственно ею избранным». При этом он подчеркивал, что «более всех кади имеет влияние на общее управление» [24, с. 296]. И на самом деле, как и в других горных обществах, у койсубулинцев основными, действующими и решающими ежедневные вопросы

административными лицами были старшины, выбираемые на народном сходе и подотчетные ему. Еще в первой трети XVIII в. участник Каспийского похода Петра I майор И.-Г. Гербер писал: «Таулинцы имеют в каждом уезде (обществе. – Авт.) своих старшин, которых они сами между собою выбирают, а как оные им не полюбятся, то сами опять отставляют, притом кадов (кадиев. – Авт.) из духовных, которые их ссоры судят» [6, с. 112]. То, что писал И.-Г. Гербер о кадии, безусловно, верно, они действительно вершили суд по шариату. Но А.П. Щербачев подчеркивал, что и в Койсубулинском союзе, как и в даргинских обществах, кадии как духовные руководители все больше сосредотачивали власть (и светскую) в своих руках. Именно поэтому А.П. Щербачев отмечал, что «кади более имеет влияние на управление» [24, с. 296].

Интересные сведения о старшинах койсубулинских обществ собрал упомянутый выше офицер русской армии Н.А. Окольников. Он, в частности, писал: «Общество управляется старшинами, избираемыми народом и состоящими под ведомством русского начальства... Старшинам общество вручает особые палки, которыми они имеют право наказывать виновных» [18, с. 151].

Следующий вопрос, поднятый А.П. Щербачевым в его работе, назван **«Промышленность и богатства народные»**. Здесь он прежде всего говорил о торговле, в связи с чем писал: «Койсубулинцы торгуют более одними только фруктами, в особенности виноград в большом изобилии (несмотря на трудность в обрабатывании земли), из которого армяне, скупая у них, выделывают хорошее вино (под названием тавлинского), потом продают оное в Андерее (Эндирее. – Авт.) и по разным крепостям нашим» [24, с. 296].

Действительно, койсубулинцы и торговали, и занимались виноградарством, продавали виноград армянам, о чем сообщали и многие другие авторы XIX в. Сошлемся на некоторых из них, наиболее близких по времени к А.П. Щербачеву. Вот как писал о сказанном выше, по сведениям, собранным за 30–40-е гг. XIX в., А. Берже: «Климат Койсубу хотя довольно суров, но есть долины, защищенные от северных ветров, в которых созревает виноград и другие плоды». И далее: виноград «особенно хорошо поспевает в Гимрах». И, как бы подтверждая сказанное А.П. Щербачевым, отмечал, что вино, производимое в Гимрах, Унцукуле, как и вино салатавского с. Чиркей, «известно под именем тавлинского вина», которое «кизлярские армяне покупают и продают под именем «горского чикиря», под которым он известен вдоль всей Терской линии до самого Георгиевска» [4, с. 283].

Как бы резюмируя описание состояния «промышленности и богатства народа», А.П. Щербачев после описания виноградарства и виноделия указывал, что койсубулинский «народ вообще бедный и промышленности особенно никакой почти не имеет, в хлебе, сене и лесе большой недостаток» [24, с. 296]. Впрочем, об этом писал и А. Берже, отметивший: «В пшенице, сене и дровах койсубулинцы терпят недостаток» [4, с. 283].

Но А.П. Щербачев был неправ, говоря, что у койсубулинцев не было «промышленности особенно никакой». Известно, что в Унцукуле – центре Койсубулинского союза, была развита обработка дерева, и она была развита «с давнего времени» [16, с. 83]. А. Берже писал: «Жители Унцукуля славятся между горами своею промышленностью и трубочные мастера их считаются лучшими на Кавказе» [4, с. 283]. Особого развития ремесло по обработке дерева у унцукульцев достигло в XIX в. «Если они до XIX века ограничивались лишь изготовлением мелких трубок для удовлетворения собственных потребностей, то в середине XIX века ассортимент их производства значительно увеличился, они стали делать из дерева (кизила) и отчасти рога трости, палки, ручки для зонтов, хлысты, подсвечники, чернильные приборы и другие письменные принадлежности, украшения для письменного стола с инкрустацией из серебряной и медной проволоки, а также различные изделия с инкрустацией из стали, слоновой кости, перламутра» [16, с. 82–83]. В дальнейшем унцукульские мастера своим ремеслом завоевали мировую славу, о чем говорит известность их изделий за пределами Дагестана. Их изделия продавались во Франции, Англии и т.д. Причем ремесло унцукульцев стало массовым. По данным начала XX в., число мастеров в Унцукуле достигло 500 человек [14, с. 71]. Отметим, что «высокого мастерства унцукульцы не могли бы достигнуть, если бы они не занимались этим ремеслом с давних времен» [16, с. 83]. И еще дагестанские ученые отмечали: «Технические приемы унцукульской насечки весьма остроумны и смелы, и сами декоративные предметы выглядят очень просто, лаконично, в то же время несравненно красиво» [16, с. 83].

После вывода о состоянии «промышленности» А.П. Щербачев останавливается на скотоводстве, в связи с чем он писал, что оно «весьма небольшое по неимению хороших пастбищных мест» [24, с. 296]. Действительно, пастбищ у койсубулинцев было меньше, чем,

например, у аварских обществ Западного и Северо-Западного Дагестана, что было отмечено и А. Берже [4, с. 283]. Однако имеющиеся у них летние пастбища и арендуемые пастбищные горы, а также зимние пастбища на территории шамхала позволяли им содержать как крупный рогатый скот, так и овец, которые в целом удовлетворяли их потребности в мясомолочных продуктах. Кроме того, в Койсубуле, были и такие села, где не только скотоводство, но и земледелие занимали ведущее положение в экономике населения. Одним из таких сел была «деревня Бетлитль» (Бетли), о которой А. Берже писал, что она «изобилует хлебом и огородными овощами; в окрестностях хорошие пастбища и сенокосы. Жители разводят овец, имеют достаточно земли», хотя у них не было садов и леса [4, с. 274]. А о скотоводстве другого койсубулинского селения Цатани он же писал, что близ него «и далее по сторонам дороги виднелись большие стада овец, табуны лошадей и множество рогатого скота» [4, с. 274].

Земледелию и садоводству А.П. Щербачев посвятил сюжет под названием **«Произведения земли и местоположение»**, где прежде всего писал о хлебопашестве. «Хлеб, – отмечал он, – родится не в большом количестве: ячмень, овес, пшеница и кукуруза. При посеве необходимо должно все поле хорошо удабривать, дабы иметь какой-либо урожай» [24, С. 296].

И на самом деле, находясь в Горном Дагестане, койсубулинцы, как и жители других аварских обществ, не имели хороших пахотуодобных земель, как в предгорье и плоскостном Дагестане. И тем не менее койсубулинцы, как и другие горцы, занимались земледелием, и они «сеяли пшеницу, в значительном количестве ячмень и овес». Они, как и везде, глубоко вспахивали землю и удобряли ее, что позволяло получать и хорошие урожаи [4, с. 282]. Там же, где земля была «не способна ни для земледелия, ни для скотоводства, то жители преимущественно занимались разведением фруктовых деревьев и винограда», хотя это также было «сопряжено с большими трудностями по причине каменистого грунта» [4, с. 283]. Поэтому А.П. Щербачев писал о развитости в Койсубулинском союзе садоводства и выращивании различных сортов фруктов. «Фрукты, – писал он, – можно найти разного рода, даже и самые персики произрастают там», хотя, как отмечал он, «земля вообще покрыта скалистыми горами» [24, с. 296]. Но, как указывал А. Берже, именно скудость природы в горах заставляла жителей «с неимоверными трудами устраивать сады на крутизнах и скалах, искусственно отделанных в виде террас» [4, с. 251]. И койсубулинцы фруктовые сады имели не только в горных долинах, где были прекрасные условия для этого, но и в горных местностях, и это был «результат огромного труда по сооружению террас, подведению воды, созданию защитных средств и т.д., вложенного с расчетом на выгодный обмен». Поэтому еще ранее, т.е. до описываемого А.П.Щербачевым периода, – «с XVII в. садоводство приобретает здесь сугубо обменный характер», в то время как на плоскости сады нередко носили потребительский характер, так как «экономическое благополучие крестьянина от них не зависит» [12, с. 235].

Особенно садоводство в Койсубулинском союзе было развито в Хиндахе, Гимрах, Унцукуле, Ирганае, Аракани, Ашильте, Гергебиле и т.д. [16, с. 52; 10, с. 93]. Вообще Койсубула, или Хиндах, Хиндал («Хиндал»), как писал А. Руновский – страна фруктов, ее «следует назвать садом северо-восточного, а может быть и целого Кавказа. Этот сад орошается тремя реками» [21, с. 385]. В связи с этим уместно обратиться еще раз к А. Комарову, писавшему, что большая часть койсубулинских селений находится в глубоком ущелье Андийского и Аварского Койсу, где есть много мест, удобных для разведения фруктовых деревьев, почему и дано аварское название Хиндатли или Хиндалал [13, с. 35].

Хотя оценка садоводства койсубулинцев относится к позднему времени, однако в описании Дагестанской области показывается его развитость в Койсубуле. В нем, в частности, сказано: «Садоводство занимает видное место в сельском хозяйстве Аварского округа, обеспечивая главным образом, существование жителей нескольких селений, расположенных в ущельях по течению рек Аварского и Андийского Койсу. Местности эти отличаются жарким климатом, защищены высокими горами от влияния холодных ветров, пользуются обильным орошением и, благодаря этому, представляют все благоприятные условия для процветания садоводства» [8, с. 199–150].

Для подтверждения сказанного обратимся к ряду авторов, которые писали не только о садоводстве койсубулинцев вообще, но и конкретно об отдельных селах, о разнообразии выращиваемых фруктов – какие среди них особенно отличались и по широте их распространенности, и по качеству вкуса. Так, об Унцукуле А. Берже писал, что он «известен своими фруктовыми садами» [4, с. 274]. А через несколько лет после А.П. Щербачева Я. Костенецкий указывал, что Унцукуль «окружена, как и все здешние деревни, верст на шесть

опоясывающими ее садами, где растут персики, абрикосы, яблоки, груши, туты, вьются бесконечные ряды прекраснейшего винограда и как исполины стоят ореховые деревья, журчат по террасам прохладные водопады...». Он восхищался ореховыми деревьями и отмечал: «Я не видал ничего величественнее в лесном царстве, как горские ореховые деревья, и наши огромные дубы не могут сравниться с ними. Иные стволом бывают в пять человеческих обхватов» [15, с. 75]. Через 10 лет после него А. Неверовский отмечал, что «лучшие персики и виноград растут в гимринских садах» и далее об ореховых деревьях он писал: «Грецкие орехи растут в изобилии и в значительных садах имеется по несколько сот вековых деревьев, из которых некоторые в два и три обхвата» [17, с. 40, 41]. Славилось как один из центров разведения орехов и койсубулинское селение Маали [10, с. 93].

Много садов было в Гимрах. Я. Костенецкий отмечал, что «от деревни до самой реки и потом вверх и вниз по ней верст пять простираются самые превосходные и живописные сады» [14, с. 74]. О койсубулинском с. Зирани он также писал, что оно окружено «восхитительными садами, где огромные орехи, яблони, груши, персики и виноград едва держались под тяжестью уже начавших созревать плодов своих. Особенно мне понравились яблоки – огромные деревья, которых ветки, обремененные, как гроздьями, пунцовыми плодами, шатром склонялись к земле. Этот род самых крепких и долго сохраняющихся яблок» [15, с. 102]. П. Пржецлавский вслед за А. Неверовским писал, что «самый лучший по качеству виноград в сс. Гимры и Могох» [19, с. 175].

Славилось своими разнообразными сортами винограда с. Гергебиль, среди которых «наиболее распространенными были «Шабаги цИбил», «ХицИбил» (из него делали вино), «Къараб-хахI», «Чолбер» (белый крупный), «Чолбер» (черный крупный), «Исхали», «БагIарцИбил (красный), «ГесонцИбил», «Хьопхалат» и др. Было много эндемичных сортов» [10, с. 95]. Гергебиль славился и «своими абрикосами, их здесь было много разных сортов с названиями и без названий. Распространенными были сорта: «Шанбахлан», «Гумариласул», «ГичинахIажил», «Гасинаб», «Гисакъил», «Гадулаб», «Цалах», «Хеккобари» и т.д. [10, с. 96].

Койсубулинцы продавали фрукты в различные села даргинцев, лакцев и в кумыкских селах. Сами они ходили из одного селения в другое с нагруженными на ослах фруктами, которыми наполняли плетенные из прутьев сапетки. Они выменивали их в основном на зерно. Кроме того, как и виноград, фрукты покупали в Койсубулинском союзе приезжавшие сюда армянские купцы, из которых они гоняли водку [4, с. 283].

Столь большое внимание садоводству уделено в статье ввиду того, что оно для многих койсубулинцев являлось главным занятием. Основной доход они получали от занятия садоводством, фрукты – это их главный продукт, который они выменивали на зерно как в различных селах других дагестанских народов, так и в соседнем Мехтулинском ханстве, шамхальстве Тарковском и у кумыков вообще, о чем писал А. Берже [4, с. 283].

Именно поэтому койсубулинцы использовали каждый клочок земли. И сказанное о горцах Дагестана Н.А. Окольниковым как нельзя лучше можно отнести и к койсубулинцам. Он, в частности, писал: «Лезгины (дагестанские горцы. – Авт.) обрабатывают покато́сти гор террасами, тщательно их унаваживают и потом уже сеют – работа трудная и крайне необходимая; почти под каждым аулом имеются сады и огороды, разведение которых тоже стоило огромных усилий. Вообще, все, что только может приносить какой-нибудь плод, все в горах занято, обработано, засеяно; покато́сти гор, уступы, небольшие площадки, крутизны, возвышенности на дне ущелья, одним словом, все то, где только могла проявиться деятельность человека, все более или менее приспособлено к удовлетворению первейших жизненных потребностей. Самый скот горцев привык к скудной пище, собирая ее по уступам скал и под камнями» [18, с. 158].

И конечно, не удивительно, что многие авторы, писавшие о горцах Дагестана, об их занятиях, в частности о садоводстве и виноградарстве, с восхищением отзывались о трудолюбии и достижениях горцев, порою сравнивая их труд и достижения с достижениями других народов мира. В этом плане очень показательны слова М. Владыкина, которые, без сомнения, можно отнести и к койсубулинцам. «Достаточно взглянуть на природу горного Дагестана, – писал он, – чтобы убедиться в том, что без почти сверхъестественных усилий в нем невозможно существовать». Он восхищался водопроводными канавами, проведенными в горном Дагестане на десятки верст, строительством горцами на скалах пахотных участков [5, с. 204]. Еще более высоко оценивал М. Владыкин садоводство и виноградарство горцев. «Посмотрите, – писал он, – какие сады в здешних аулах, и какие рождаются у них яблоки, груши, персики, виноград. Виноградники сделаны как на Женевском озере, террасами и земля на них, как там же, натаскана. Сообразите,

сколько веков на все это потребовалось и каких трудов и усилий все это стоит. И, конечно, подумаешь, что все это результат сверхъестественной работы» [5, с. 204].

Завершив описание хозяйственной деятельности койсубулинцев, А.П. Щербачев останавливается на описании горных хребтов, выделив среди них главные. Он отметил, что через Койсубулу идут «два хребта Черных гор; первый из них от северо-востока к юго-западу, а второй – более от востока к западу и потом присоединяется к первому; все их отрасли в том же направлении, а некоторые к северу лежат». Затем он, характеризуя эти горы, отметил, что они «чрезвычайно скалисты, бесплодны и редко где встретить можно на них небольшой сосновый лес и то весьма мелкий» [24, с. 296]. Поэтому он вначале писал, что койсубулинцы, кроме как в хлебе и сене, нуждались в лесе, в котором, как и в первых, у них был большой недостаток [24, с. 296].

В статье А.П. Щербачева уделяется внимание и путям сообщения, которые также выделены в отдельный сюжет. Автор здесь прежде всего обращает внимание на то, что дороги из Койсубулы «во все стороны трудные» [24, с. 296]. Затем он перечисляет дороги, которые из Койсубулы шли в другие общества и феодальные владения Дагестана. Это дорога, которая через деревню Могох вела в Аварское ханство. Другая была хорошая дорога, она также вела в Аварское ханство и проходила вверх по р. Койсу через деревню Чалды. По ней, хотя и с трудом, могли проехать и арбы. В Аймаки вела узкая тропинка по скалистому ущелью. В Мехтулинское ханство, а именно в Дженгутай, шла «довольно изрядная арбяная дорога, обходя Аймакинское ущелье». Описывая одну из дорог, идущую в Мехтулинское ханство, А.П. Щербачев писал, что она из Койсубулы шла в Акуша и проходила «вверх по правому рукаву р. Койсу до д. Хаджал-Махи, потом чрезвычайно крутой подъем на гору, даже довольно порядочная дорога до д. Урага-Джооли, оттуда через д. Урму на Кака-Шуру и в Параул». Причем он отмечал, что хотя «между Урма и Кака-Шура находится весьма большая крутая гора», описанная дорога «считается в числе арбяных, но довольно трудная и вообще гориста». Следующая дорога, которая шла в Акушу через Хаджал-Махи «вверх по р. Койсу, потом на Левашу», была более удобная и менее трудная арбяная дорога. Шестая дорога из Койсубулы вела в Казикумухское ханство «вверх по р. Койсу» [24, с. 296].

Как видно из приведенных А.П. Щербачевым сведений, Койсубулинское общество хорошо было связано с различными владениями и обществами. Через указанные населенные пункты койсубулинцы проходили и на плоскость – в Тарковское шамхальство и Засулакскую Кумыкию. Но, кроме описанных А.П. Щербачевым, были и другие дороги (тропинки), которые соединяли койсубулинцев как с другими аварскими обществами, так и обществами других народов Дагестана. В частности, были дороги, которые вели в Гумбет и Анди, одна дорога пролегла из Гимры в Унцукуль – Ашильта – Гумбет. А в Анди дорога шла берегом Андийского Койсу в Игали – Тлох – Ортоколо – Муни. Была и дорога, которая через Койсубулинский хребет шла к Ирганаю, отсюда – в Зирани – Балаханское ущелье к Моксоху, затем на Арак-тау и отсюда в Шагада – Буцра, через Танусинский хребет выходила в Аварскую долину и к Хунзаху. Другая дорога из Темир-Хан-Шуры шла в Аварию через Гергебиль. Это была дорога, которая проходила через Аймаки по ущелью, потом Кутишинский хребет – Кутиша – Хаджал-Махи, затем вниз по р. Койсу на Гергебиль, отсюда она шла через Чалды – Гоцатлинскую высоту – Ках – Аварскую долину [18, с. 143].

В статье А.П. Щербачева выделен и вопрос о взаимоотношениях койсубулинцев с другими народами Дагестана. Этот вопрос озаглавлен так: **«Взаимные связи народов»**. Выше при описании занятий койсубулинцев А.П. Щербачев уже отмечал их нужду в хлебе и соли. Говоря об этом же, он писал, что койсубулинцы для приобретения хлеба и соли выменивают их на фрукты «у жителей Мехтулинского ханства, земель шамхала и кумыков». По его сведениям, койсубулинцы из Акуша доставали «себе оружие, ибо собственных мастеровых не имеют хороших» [24, с. 296]. Какое оружие имел в виду А.П. Щербачев, не известно, так как и в Акуша-Дарго особо его не производили. Здесь койсубулинцы могли приобретать оружие у местных жителей, которые в свою очередь приобретали его у кубачинцев и харбукцев, обеспечивавших как холодным, так и огнестрельным оружием не только все даргинские, но и отчасти общества других народов Дагестана. Но известно также, что и в Акуша-Дарго производили холодное оружие – кинжалы в Мулебки, а в цудахарских селах, кроме них, – хорошие ножи. Последние в аварских обществах были известны как «цедехI нус» (цудахарский нож) [3]. Далее касаясь связи народов А.П. Щербачев писал о нападениях койсубулинцев «партиями для грабежей в Грузию тайным образом», для чего они проходили через Аварское ханство. Здесь же он отмечал, что эти народы «находятся по разным отношениям в связи с соседственными им жителями» [24, с. 296].

В завершении всего описания койсубулинцев А.П. Щербачев дает «Замечание», которое практически посвящено местоположению койсубулинцев, их жилищу, отношению к русским, характеристике их как одного из дагестанских народов. Прежде всего здесь отмечено, что койсубулинцы, «находясь в весьма крепких местах, природою огражденных и считая жилища свои неприступными для русских войск, делают небольшими партиями набеги в пределы наши» [24, с. 296], т.е. на те владения Дагестана и общества, которые покорились России и считались входящими в Российскую империю. Автор статьи полагает, что при «совершенном» покорении ближайших к Грузии или Кавказской линии народов, койсубулинцы прекратили бы свои нападения, боясь «встретить всюду отпор и неудачу в своих предприятиях». Тогда они бы стали «искать покорности у нашего (русского. – Авт.) правительства» [24, с. 297]. И здесь же он характеризовал койсубулинцев как народ «вообще непокорный, сродный к грабежам и довольно воинственный». Причем, описывая койсубулинцев, он нелестно отзывался о них, указывая, что у них «стройных, видных людей редко можно встретить, в особенности женщин, которые даже безобразны». О мужчинах он отзывался как о пьяницах, которые употребляли «собственную водку и вино, выделяемые ими же из винограда» [24, с. 297]. Вряд ли можно согласиться с такой характеристикой целого общества. Не может быть, чтобы все женщины были безобразны, а мужчины занимались только пьянством. Кто же за них работал, кто пахал, сеял и собирал урожай, кто создавал сады и виноградники, кто сажал деревья, поливал их, собирал урожай, ходил продавать фрукты в различные дагестанские общества и владения? Конечно же, это предвзятое отношение А.П. Щербачева к койсубулинцам, впрочем, как и многих других представителей русской армии, видевших в горах Дагестана необузданных разбойников и дикарей.

Довольно правильно с А.П. Щербачев указал на о местоположение койсубулинских сел, описывая, что они «у них поселены на крутых скалах для лучшей обороны при нападении неприятеля» [24, с. 297]. Но не только поэтому – в условиях малочисленности пахотуодобных земель горцы, как правило, располагали свои села на тех местах, где невозможно было заниматься земледелием, учитывая, конечно, при этом и необходимость наилучшей защиты от неприятеля. В этом плане койсубулинцы не отличались от других народов Дагестана.

В конце своего «Замечания» А.П. Щербачев остановился на с. Гергебиль, о котором он писал: «Деревня Херхевиль, принадлежавшая прежде хану мехтулинскому, в недавнем времени отклонилась от него и присоединилась к вольному Койсубулинскому обществу» [24, с. 297].

Приведенное выше, конечно, требует комментариев и анализа. Дело в том, что ни в одном источнике не говорится о вхождении когда бы ни было Гергебиля в состав Мехтулинского ханства. В документе о пользовании койсубулинцев пастбищными горами шамхала, составленном в 1170 (1752г.), среди сел, вынужденных за это платить определенную дань, перечислены и гергебильцы, обязанные давать шамхалу один ратл вина, 2 ратла виноградного уксуса, 15 баранов за горы, которыми они пользовались [22, с. 29]. Зато в «Краткой записке о мехтулинском ханском доме...», составленной на основе имеющихся сведений, среди сел, входивших в состав Мехтулинского ханства, нет Гергебиля [21, с. 36]. А события, перечисленные в указанной «Записке...», описаны с самого возникновения ханства. Здесь дается перечень сел, которые первыми стали под покровительство основателя ханства Кара-Мехти, и показано, как за аймакинцами и охлинцами под покровительство Кара-Мехти стали и другие села, среди которых также нет Гергебиля. Поэтому не понятно, откуда у А.П. Щербачева сведения о вхождении койсубулинского селения Гергебиль в состав указанного ханства.

Таковы вопросы, которые имеются в статье А.П. Щербачева «Описание Мехтулинского ханства, койсубулинских владений и ханства Аварского» об одном из союзов сельских общин Аварии Койсубуле. Как видно из перечня вопросов и сделанного их анализа, они касаются основных аспектов социально-экономического и политического положения койсубулинцев в 30-е гг. XIX в. Среди этих сведений есть такие, правильность которых не вызывает сомнений, но есть утверждения, с которыми невозможно согласиться. Однако в целом все они интересны, и использование их в исследованиях историков, занимающихся изучением союзов сельских общин Дагестана в целом и аварских, в частности, дает возможность проследить как общее, так и особенное в их экономическом и общественно-политическом развитии. В этом необходимость и значимость сведений А.П. Щербачева, имеющихся в его статье.

ЛИТЕРАТУРА

1. А.-Д.Г. Обзор последних событий в Дагестане // Военный сборник. СПб., 1859. Т. IX. № 10. С. 475–518.
2. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Тифлис: Тип. Глав. управ. наместника Кавказа, 1870. Т. IV. – 1011 с.
3. Алиев Б.Г. Историко-этнографический материал, собранный в 1964 г. в аварских районах.
4. Берже А. Материал для описания Нагорного Дагестана // Кавказский календарь на 1859 год. Тифлис: Тип. управления канцелярии наместника Кавказа, 1858. С. 249–288.
5. Владыкин М. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу. СПб., 1885.
6. Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. (далее – ИГЭД). Архив. матер. / Под ред. М.О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. С. 60–120.
7. Гильденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия Г-на Академика И.А. Гильденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах. СПб.: Тип. импер. АН, 1809. – 385 с.
8. Дагестанская область в 1891 году // Кавказский календарь на 1893 г. Тифлис: Изд-ние Тов-ства Либермана и Казловского, 1892. С. 143–184.
9. Ерошкин Д.Ф. Реестр горским владельцам. 1732 г. // ИГЭД. С. 121–124.
10. Исламгагомедов А. Аварцы. Историко-этнографическое исследование XVIII – нач. XX в. Махачкала: ГУП «Типография Дагестанского научного центра РАН», 2002. – 432 с.
11. История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. Архив. матер. / Под ред. М.О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. – 372 с.
12. История Дагестана. М.: Наука, 1967. Т. 1. – 431 с.
13. Комаров А. Списки населенных мест Дагестанской области. Сборник статистических сведений о Кавказе // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. Тифлис. 1869. Т. 1. С. 1–123.
14. Козубский Е.И. Дагестанский сборник. Отд. I. Статистический обзор Дагестанской области за 1903 г. Темир-Хан-Шура: Русская типогр. В.М. Сорокина, 1904. Вып. II. С. 1–167.
15. Костенецкий Я. Записки об Аварской экспедиции на Кавказе 1837 года. СПб., 1851. – 178 с.
16. Материальная культура аварцев. Махачкала: Тип. ДФ АН СССР, 1967. – 304 с.
17. Неверовский А. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях. СПб.: Тип. воен. учеб. завед., 1847. – 64 с.
18. Окольников. Перечень последних военных событий в Дагестане (1843 год) // Военный сборник. СПб., 1859. Т. V. № 1. С. 107–172.
19. Пржевальский П. Дагестан, его нравы и обычаи // Вестник Европы. СПб., 1867. Т. III. С. 141–189.
20. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6164. Ч. 93.
21. Руновский А. Взгляд на сословные права и взаимные отношения в Дагестане // Военный сборник. СПб., 1862. № 8. С. 373–404.
22. Феодалные отношения в Дагестане. XIX – начало XX в. Архивные материалы / Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М.: Наука, 1969. – 396 с.
23. Хрисанф. Сведения об Аварском ханстве. 1828 г. // ИГЭД. С. 265–275.
24. Щербачев А.П. Описание Мехтулинского ханства, койсубулинских владений и ханства Аварского. Около 1830 г. // ИГЭД. С. 293–299.

REFERENCES

1. A.-D.G. Obzor poslednih sobytij v Dagestane // Voennyj sbornik. SPb., 1859. T. IX. № 10. S. 475–518.
2. Akty, sobrannyye Kavkazskoju arheograficheskoiu komissiei. Tiflis: Tip. Glav. uprav. namestnika Kavkaza, 1870. T. IV. – 1011 s.
3. Aliev B.G. Istoriko-jetnograficheskij material, sobrannyj v 1964 g. v avarskih rajonah.
4. Berzhe A. Material dlja opisaniya Nagornogo Dagestana // Kavkazskij kalendar' na 1859 god. Tiflis: Tip. upravleniya kancelarii namestnika Kavkaza, 1858. S. 249–288.
5. Vladykin M. Putevoditel' i sobesednik v puteshestvii po Kavkazu. SPb., 1885.
6. Gerber I.-G. Opisanie stran i narodov vdol' zapadnogo berega Kaspijskogo morja. 1728 g. // Istorija, geografija i jetnografii Dagestana XVIII–XIX vv. (dalee – IGJeD). Arhiv. mater. / Pod red. M.O. Kosvena i H.-M. Hashaeva. M.: Izd-vo vost. lit-ry, 1958. S. 60–120.

7. *Gil'denshtedt I.A.* Geograficheskoe i statisticheskoe opisanie Gruzii i Kavkaza iz puteshestvija G-na Akademika I.A. Gil'denshtedta chrez Rossiju i po Kavkazskim goram v 1770, 71, 72 i 73 godah. SPb.: Tip. imper. AN, 1809. – 385 s.
8. Dagestanskaja oblasti v 1891 godu // Kavkazskij kalendar' na 1893 g. Tiflis: Izd-skie Tov-stva Libermana i Kazlovskago, 1892. S. 143–184.
9. *Eropkin D.F.* Reestr gorskim vladel'cam. 1732 g. // IGJeD. S. 121–124.
10. *Islammagomedov A.* Avarcy. Istoriko-jetnograficheskoe issledovanie XVIII – nach. XX v. Mahachkala: GUP «Tipografija Dagestanskogo nauchnogo centra RAN», 2002. – 432 s.
11. Istorija, geografija i jetnografija Dagestana XVIII–XIX vv. Arhiv. mater. / Pod red. M.O. Kosvena i H.-M. Hashaeva. M.: Izd-vo vost. lit-ry, 1958. – 372 s.
12. Istorija Dagestana. M.: Nauka, 1967. T. 1. – 431 s.
13. *Komarov A.* Spiski naselennyh mest Dagestanskoj oblasti. Sbornik statisticheskikh svedenij o Kavkaze // Zapiski Kavkazskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshhestva. Tiflis. 1869. T. 1. S. 1–123.
14. *Kozubskij E.I.* Dagestanskij sbornik. Otd. I. Statisticheskij obzor Dagestanskoj oblasti za 1903 g. Temir-Han-Shura: Russkaja tipogr. V.M. Sorokina, 1904. Vyp. II. S. 1–167.
15. *Kosteneckij Ja.* Zapiski ob Avarskoj jekspedicii na Kavkaze 1837 goda. SPb., 1851. – 178 s.
16. Material'naja kul'tura avarcev. Mahachkala: Tip. DF AN SSSR, 1967. – 304 s.
17. *Neverovskij A.* Kratkij istoricheskij vzgljad na Severnyj i Srednij Dagestan v topograficheskom i statisticheskom otnoshenijah. SPb.: Tip. voen. ucheb. zaved., 1847. – 64 s.
18. *Okol'nichij.* Perechen' poslednih voennyh sobytij v Dagestane (1843 god) // Voennyj sbornik. SPb., 1859. T. V. № 1. S. 107–172.
19. *Przheclavskij P.* Dagestan, ego нравы i обычаи // Vestnik Evropy. SPb., 1867. T. III. S. 141–189.
20. RGVIA. F. VUA. D. 6164. Ch. 93.
21. *Runovskij A.* Vzgljad na soslovnye prava i vzaimnye otnoshenija v Dagestane // Voennyj sbornik. SPb., 1862. № 8. S. 373–404.
22. Feodal'nye otnoshenija v Dagestane. XIX – nachalo XX v. Arhivnye materialy / Sost., predisl. i primech. H.-M. Hashaeva. M.: Nauka, 1969. – 396 s.
23. *Hrisanf.* Svedenija ob Avarskom hanstve. 1828 g. // IGJeD. S. 265–275.
24. *Shherbachev A.P.* Opisanie Mehtulinskogo hanstva, kojsubulinskih vladenij i hanstva Avarskogo. Okolo 1830 g. // IGJeD. S. 293–299.